

Александр Валентинович Амфитеатров

Из старых дел

Александр Амфитеатов

Из старых дел

«Public Domain»

1896

Амфитеатров А. В.

Из старых дел / А. В. Амфитеатров — «Public Domain», 1896

«В Москве, скитаясь ради одного сенсационного процесса по зданию судебных установлений и постигнутый неудачей, так как процесс разбирать решено было при закрытых дверях, я заглянул на два, на три дела; из них одно заинтересовало меня не сутью своею: кража – и весьма сомнительная! – во время пожара, со скучнейшими мелочными подробностями, – а бытовую своей стороной, типами обвиняемых, свидетелей и свидетельниц, типами, каких при дневном свете никогда и нигде не увидишь. Это – ночные совы, летучие мыши, публика глухой городской ночи...

© Амфитеатров А. В., 1896

© Public Domain, 1896

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Александр Амфитеатров

Из старых дел

В Москве, скитаясь ради одного сенсационного процесса по зданию судебных установлений и постигнутый неудачей, так как процесс разбирать решено было при закрытых дверях, я заглянул на два, на три дела; из них одно заинтересовало меня не сутью своею: кража – и весьма сомнительная! – во время пожара, со скучнейшими мелочными подробностями, – а бытовую своей стороной, типами обвиняемых, свидетелей и свидетельниц, типами, каких при дневном свете никогда и нигде не увидишь. Это – ночные совы, летучие мыши, публика глухой городской ночи. Им как-то неловко и стыдно днем, когда в глаза им глядит яркое светлое солнце и спрашивает их своим ласковым лучом: «Кто вы такие? Зачем вы так безобразны? Отчего я никогда не вижу ни вас, ни дел ваших?..» И они прячутся от солнца, кутаясь в свои мягкие, выцветшие шали. Серые линиялые лица, узкие ленточки жирной кожи вместо лбов, страшно развитые челюсти, носы – и плоские, и длинные, и широкие вместе, – все признаки дегенерации, так что, хоть я и далеко не ломброзист, однако, невольно вспомнил о типах в «L'uomo delinquente»¹.

Это были подонки московского порока и низости: проститутки низшего разряда, их хозяйки, экономки, их геркулесы-охранители, вольнопрактикующий сыщик и т. д. И в этой среде – два-три свертевшихся без толку рабочих парня, запутанных в мерзкую клоаку наивной погони за весельем.

Типы настолько ужасные – жалкие и уродливые – что первое чувство, какое вызывает зрелище их порока: да неужели же порок даже в такой безобразной, грязной, зловонной форме может тянуть к себе человеческую натуру, возбуждать в ней страсти, толкать ее на преступления? Когда бес является обольстителем, увлечение им понятно. Кто Богу не грешен! И праведник по семи раз на день падает. Но когда бес приходит к человеку во всеоружии всего, чем только может он отвратить от себя человеческую брезгливость, – как тогда объяснить его обаяние?

Судилась портниха (работавшая на дом терпимости) по обвинению в краже во время пожара у своей хозяйки и ее любовник портной. Их допрос и допрос свидетелей был целым рядом бытовых сценок, яркими вспышками освещавших темные и мутные нравы московских трущоб.

– Свидетельница, – спрашивает экономку председатель, – на каком счету была у вас обвиняемая?

– Ничего, только пила очень...

– Да ведь, я думаю, у вас все пьют?

– Девицы, известно, все пьют, им так и полагается, а она человек рабочий.

– А рабочему человеку, значит, пить не полагается?

– Известно, нет. Какой уж он рабочий, ежели пьет? Пей, пожалуй, только по малости.

Этот рабочий человек сидел по четырнадцать часов в сутки над шитьем, не разгибая спины, в вертепе, где население мертвецки пьяно и гости мертвецки пьяны. Слева пьяный хохот, справа пьяная песня, наверху пьяная пляска, внизу пьяные поцелуи. И среди этого винного разгула сидит и работает единственное трезвое существо и недоумевает: в аду я или на земле? за что мне это? и как же жить-то, когда кроме хмеля кругом ничего не видишь и не слышишь? Если так нельзя, зачем же все так делается и зачем же такое терпеть надо? Если так надо, то почему же мне иная трудовая доля, чем другим? Этак сидя, недолго досидеться и до того, что – либо в прорубь полезешь, либо, живя с юлками, сама по-волчьи завоеешь. И в

¹ «Человек преступный» (ит.).

один прекрасный день завывает. Пьяным-пьяна, – туман в голове и пред глазами, горе завито веревочкой, работа к черту: чем, мол, я и лучше и хуже других? Пей, пока пьется, – душа меру знает. Любимым местопребыванием бедняги, вместо поганой развратной тюрьмы, становится такой же поганый и развратный, но, по крайней мере, свободный трактир, где она не раба, а гостя и хозяйка. Чего хочет, того и просит. И на каналью полового за свои деньги может заорать не тише, чем орет на нее «тетенька» за лень либо неисправность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.